

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СТАЛИНГРАД ГЛАЗАМИ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ

В статье впервые предпринята попытка комплексного анализа представлений Джона Стейнбека о послевоенной действительности Сталинграда, изложенных в книге «Русский дневник», и документальных данных о социально-экономическом развитии города второй половины 1940-х гг. На основе контент-анализа обоснованы выводы о специфике восприятия Стейнбеком советской повседневности и перспективах использования его книги в качестве источника изучения социальной истории.

Ключевые слова: Дж. Стейнбек, «Русский дневник», Сталинград, социальная политика, социально-экономическое развитие, история повседневности

На протяжении более 50 лет, прошедших со дня смерти Джона Стейнбека, не ослабевают споры о творческом наследии этого писателя, журналиста, публициста. В 2009 г. его имя вошло в список наиболее часто оспариваемых авторов Американской библиотечной ассоциации. На страницах *Steinbeck Review*, посвященного его творчеству, и в других изданиях, подчеркивается актуальность его произведений для общества начала XXI в. – порой более очевидная, чем для его современников. Несмотря на подчас противоположные суждения, в большинстве современных оценок Стейнбек предстает как автор книг, которые пережили их критиков¹ и, вероятно, будет широко цитироваться в будущем². Авторы многих публикаций последних лет подчеркивают, что актуальность работ Стейнбека возрастает по мере эскалации глобальных социальных проблем нашего времени, таких как расизм, ксенофобия, национализм³. Стейнбеку удалось по-новому взглянуть на природу и динамику социальных отношений XX века. По мнению В. Рэй, чтение его работ открывает новые перспективы для осмысления прошлого опыта⁴.

Зарубежные исследователи творчества Стейнбека всегда отводили «Русскому дневнику» значительное место в его наследии, наряду с романами «Гроздь гнева», «О мышках и людях», «Зима тревоги нашей». Объективности автора давались противоречивые оценки – от обвинений в приукрашивании действительности, вызванной его левыми взглядами, до констатации его полной беспристрастности и отсутствия претенциозности⁵. В СССР «Русский дневник» был впервые опубликован в 1989 г. Отечественные исследователи уделяли ему внимание в первую очередь как литературно-публицистическому произведению. О.А. Полякова, Н.В. Кривцова, А.М. Малахова рассматривали литературные особенности «Дневника» как трэвелог-репортажа, журналистские средства и ме-

¹ Zirakzadeh 2019: 22-23.

² Andrew 2018: 56-61.

³ Pugh 2018: 122; Jain 2017.

⁴ Ray 2018: 191-195.

⁵ Шиллинглюу 2018: 24-25.

тоды, примененные Стейнбеком⁶. Политические обстоятельства написания книги, связанные с началом «холодной войны» подробно описаны Д. Куриловым⁷. Отдельные аспекты изображения Стейнбеком советской России в контексте дискурса о восприятии ее образа иностранцами отражены в работах Ю.И. Игрицкого, Е.А. Третьяченко⁸. В предисловии к изданию 2017 г. В. Познер, пожалуй, впервые характеризует книгу как шедевр, который является не только произведением литературы в самом высоком смысле этого слова, но и историческим документом⁹.

Обращаясь к аспектам восстановительных процессов Сталинграда в историографии следует отметить отсутствие в настоящее время попытки сравнительного анализа литературного документа, каким является «Русский дневник», с корпусом широкого круга исторических источников, в том числе архивных. Специального изучения темы Сталинграда в творчестве Стейнбека до настоящего времени не проводилось¹⁰.

Цель статьи – рассмотреть основные характеристики, данные послевоенному Сталинграду Дж. Стейнбеком в контексте документальных данных о социально-экономическом и культурном состоянии города во второй половине 1940-х гг. В центре внимания Стейнбека находились два аспекта послевоенного развития Сталинграда: реалии города, пережившего глобальную социальную катастрофу, и воплощение планов его возрождения. На основе компаративного анализа произведения Стейнбека и комплекса исторических документов можно предположить, что «Русский Дневник» не являлся продуктом идеологического заказа, его автор был чужд политической конъюнктуры, стремился к объективности, что в целом ему удалось и позволяет рассматривать книгу как источник изучения социальной истории послевоенного Сталинграда.

Основным критерием выбора источников послужило наличие документальных данных о социально-экономическом состоянии Сталинграда во второй половине 1940-х гг. и процессах восстановления инфраструктуры города. Были использованы документы высших органов государственного управления, имевшие отношение к организации восстановительных работ в Сталинграде; документы органов власти Сталинградской области и г. Сталинграда; данные газеты «Сталинградская правда»; фрагменты воспоминаний участников восстановления города.

Джон Стейнбек и военный фотокорреспондент Роберт Капа находились в Советском Союзе с конца июля по середину сентября 1947 г. За это время они побывали в Москве, Киеве, Сталинграде, Тбилиси, нескольких селах и колхозах Украины и Грузии. Из поездки Стейнбек привез несколько сотен страниц заметок, Капа – около 4 тыс. негативов.

⁶ Полякова 2019: 184-189; Кривцов 2017: 347-365.; Малахова 2018: 223-234.

⁷ Курилов 2018: 406-415.

⁸ Игрицкий 2007: 60-89.; Третьяченко 2010: 128-133. Книга Стейнбека используется и в плане изучения быта послевоенной Москвы. – Селитрина, Дашков 2019: 109-111.

⁹ Стейнбек 2017: 3.

¹⁰ См.: Кузьмина 2002: 15-122; Кузнецова 2003: 12-19; Орешкина 2008: 115-119; Сотников 2018: 196-205; Австрийсков 2014: 107-110; Олейникова 2017: 44-49.

Свое обращение к советской теме Стейнбек объяснял двумя обстоятельствами. Во-первых, о внутреннем положении в Советском Союзе часто писали люди, «которые в СССР не бывали и чьи источники информации были небезупречны»¹¹. Во-вторых, многие стороны частной жизни русских вообще не попадали в поле зрения журналистов и литераторов. Поэтому Стейнбек решил «рассказать о русских: как они выглядят, что носят, как работают, о чем говорят русские, работающие на земле, что они делают для восстановления разрушенной части своей страны»¹². Он поставил перед собой нелегкую, с учетом его репутации журналиста левого толка и условий начинавшейся «холодной войны», задачу – быть максимально объективным: «Мы должны постараться не критиковать и не хвалить, делать честные репортажи о том, что мы видели и слышали»¹³. При этом Стейнбек понимал, что его труд не удовлетворит ни левых, ни правых: «Первые скажут, что он антирусский, вторые – что он прорусский»¹⁴. Для «Русского дневника» он выбрал подход, противоположный тем, что использовали современные ему журналисты – «рассказать все, как было: день за днем, встречу за встречей, картину за картиной, без разделения на темы и предметы»¹⁵. Таким образом, можно заключить, что главной целью Стейнбека было описание социальной действительности послевоенной России, причем исключительно на основе собственных наблюдений.

Отправляясь в Сталинград, Стейнбек имел четкое представление о роли Сталинградской битвы, отличное от большинства суждений американских историков и политиков времен «холодной войны». Он подчеркивал, что в Сталинграде произошел один из решительных военных переломов. Когда закончилась битва, «даже самые твердолобые вояки в глубине души почувствовали, что война проиграна»¹⁶.

Первое впечатление Стейнбека о Сталинграде – дорога из аэропорта к городу, которую он назвал самой разбитой в стране. Стейнбек приехал в Сталинград после посещения Киева, поэтому имел возможность сравнить масштабы и характер разрушений в двух городах, пострадавших от бомбежек. И он отметил, что в разбомбленном городе некоторые стены и объекты остаются целыми. Сталинград – иной случай, он был уничтожен ракетным и артиллерийским огнем до основания. Вывод Стейнбека имеет документальные подтверждения. За период битвы на Сталинград было сброшено с воздуха, выпущено из орудий и минометов более 2900 тыс. бомб, снарядов, мин. Жилищный фонд был уничтожен более чем на 90%. По сведениям, приведенным в докладе председателя Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуюнова о ходе жилищного и культурно-бытового строительства в г. Сталинграде от

¹¹ Стейнбек 2017: 34.

¹² Стейнбек 2017: 39.

¹³ Там же: 35.

¹⁴ Там же: 314.

¹⁵ Там же: 40.

¹⁶ Там же: 184.

29 мая 1944 г., в городе были полностью разрушены и выведены из строя водопровод, канализация, телефонная сеть, городское электрохозяйство¹⁷. Из 126 промышленных предприятий не сохранилось практически ни одного. Были полностью разрушены железнодорожный узел, 124 школы, 75 рабочих клубов и Домов культуры, 15 больниц¹⁸.

Приведем данные иного источника – фрагмент интервью, взятого волгоградскими журналистами в начале 1960-х гг. у бывших членов женской комсомольской бригады, приехавшей из Кирова восстанавливать город в апреле 1943 г.: «...Когда мы первый раз увидели город, то даже не поняли, что здесь восстанавливать. Дом за домом, квартал за кварталом превращены в сплошные развалины...Разбитые мосты, разорванные трамвайные пути, заваленные хламом улицы...»¹⁹.

Наряду с масштабностью разрушений, Стейнбека поразило то, что люди нашли возможность жить в практически не существующем городе. Руины не пустовали: «под завалами находились подвалы и щели, в которых жило множество людей»²⁰. Имеются документальные свидетельства о том, что приспособление под жилье малопригодных объектов широко практиковалось и даже поощрялось властями города. Сразу после завершения Сталинградской битвы в городе оставались всего 32181 чел.²¹ Но возвращение коренных жителей и приток рабочей силы для восстановления города шли быстрыми темпами. Учитывая это, Сталинградский горисполком издал специальную листовку для населения «Как оборудовать под жилье блиндаж и землянку», которая содержала практические рекомендации. Уже в первые месяцы после битвы было приспособлено под жилье и частично восстановлено около 100 тыс. кв. м.²²

Описывая в 1947 г. центр Сталинграда, лежащий в руинах, Стейнбек отнюдь не сгушал краски. Как сообщалось в отчете о работе Сталинградского городского комитета ВКП(б), опубликованном в январе 1948 г., в течение 1943–1947 гг. в жилищное и культурно-бытовое строительство города было вложено 1551 млн. руб., на которые было построено 822 тыс. кв. м жилья, что составляло лишь около половины разрушенного жилого фонда²³. Руины приспособлялись не только под жилые помещения, но и под школы. В отчете областного отдела народного образования о работе школ области за 1941/42 – 1944/45 учебные годы отмечалось, что в феврале-марте 1943 г. в Сталинграде возобновили работу 16 школ, в которых обучалось около 5000 детей. В качестве примера упоминались учителя средней школы № 50 Ворошиловского района Сталинграда, которые при помощи родителей учеников организовали

¹⁷ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 2. Лл. 2-20б.

¹⁸ Волгоград: хроника истории 1988: 193-194.

¹⁹ Ершов 1966: 169-170.

²⁰ Стейнбек 2017: 185.

²¹ Поднятый из руин 1962: 137.

²² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 1. Л. 341.

²³ Сталинградская правда 1948: 2.

обучение в полуразрушенном нижнем этаже здания медицинского института²⁴. В газете «Сталинградская правда» сообщалось, что заведующая начальной школой № 76 Краснооктябрьского района П.Е. Бурова приспособила для проведения занятий опустевший блиндаж, в котором начали обучение двадцать школьников, затем организовала работу учеников и их родителей по ремонту и приспособлению под школу уцелевшего подвала конторы завода «Лазурь»²⁵.

Еще одна деталь, подмеченная Стейнбеком: возведение нового жилья в городе начиналось с окраин, значительная его доля приходилась на индивидуальный сектор. Он удивился тому, что проектированием «крошечных частных домиков», наряду с многоквартирными домами, занимались централизованно, над проектами трудились городские архитекторы²⁶. Насколько эти утверждения верны? М.А. Водолагин, автор нескольких книг о Сталинграде, в годы войны военный комиссар Сталинградского корпуса народного ополчения, до 1949 г. – секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), отмечает, что восстановительные работы велись в первую очередь в заводских (окраинных) районах Сталинграда. Центр, поскольку в нем не было промышленных объектов, длительное время оставался «громдным пустырем», восстановление тормозили постоянные коррективы генерального плана застройки города, касавшиеся, главным образом, его центральной части²⁷. Подтверждение находим в Справке отдела рабочей молодежи горкома ВЛКСМ об участии комсомольцев и молодежи в восстановлении города Сталинграда. В документе перечислены поселки, выстроенные в городе – Тракторозаводский, Баррикадный, Краснооктябрьский, уже из названий очевидно их местонахождение в районах промышленных предприятий²⁸.

Стейнбека удивил контроль местных властей в сфере индивидуального строительства, и это не случайно, ведь он не стремился вникать в сущность социальной политики советского государства, основанной на принципах патернализма. Ему было важнее увидеть и передать читателю картину повседневной жизни людей, переживших трагедию войны и постепенно возвращающихся к мирной жизни. Как известно, результативность патерналистской модели не может быть оценена однозначно. Патернализм, развивающийся на базе плановой экономики – это, с одной стороны, глобальный контроль, лишаящий человека экономической свободы, централизованная унифицированная система распределения социальных благ, а с другой – ответственность за выживание населения, которую государство не снимает с себя даже перед лицом глобальных экономических потрясений. Официальными документами подтверждается, что стимулирование индивидуального жилищного строи-

²⁴ ГАВО. Ф. 3423. Оп.7. Д.52. Л. 44-50.

²⁵ Дорога к знаниям 1946: 2.

²⁶ Стейнбек 2017: 200.

²⁷ Водолагин 1962: 102.

²⁸ ЦДНИВО.Ф.71.Оп.5. Д. 18. Л.152.

тельства стало объектом государственного внимания еще до завершения войны, причем в общесоюзном масштабе. 29 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилого фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и поселках СССР». Застройщики могли воспользоваться льготами при приобретении стройматериалов, получить ссуду на сумму до 10 тыс. руб. сроком до 7 лет²⁹.

Наряду с повседневной жизнью города, Стейнбека очень интересовало его будущее – планы дальнейшего развития. Ему удалось побеседовать с командой архитекторов, работавших в тот период в Сталинграде, узнать о планах восстановления города, увидеть чертежи некоторых будущих зданий. Он отметил, что ни один из планов восстановления города пока не утвержден, и выделил то, что объединяет все планы – центр города предполагается застроить гигантскими монументами, колоннадами, обелисками. «Наши народы объединяет любовь к машинам и гигантомания», – не без иронии заметил Стейнбек³⁰.

Прав ли Стейнбек в своем суждении о проблемах планирования и приверженности к монументальным постройкам? Действительно, несмотря на то, что первые планы восстановления Сталинграда появились еще в конце февраля 1943 г., во второй половине 1940-х гг. вокруг них еще велись ожесточенные споры. В ряде проектов намечалось сделать основной упор на грандиозные по масштабу и стоимости проекты, которые определяют облик города: памятник Победы в виде гранитной четырехъярусной башни высотой 60 метров, с 10-метровой бронзовой фигурой красноармейца наверху; здание облисполкома с башней высотой 40 метров; Дворец обороны из белого камня. Более прагматичные подходы предусматривали поиск форм, способных наряду с отображением героической истории города, служить развитию жилищного строительства и городской инфраструктуры. После знакомства с проектами председатель Президиума ВС СССР М.И. Калинин в письме к председателю комитета по делам архитектуры Совнаркома СССР высказал пожелание избегать вычурности и претенциозности, найти сочетание больших художественных ансамблей с продуманными жилыми постройками³¹.

Стейнбек придавал большое значение посещению СТЗ: «Здесь, на заводе, который защищали его рабочие, и где сейчас те же рабочие продолжали собирать трактора, можно было запечатлеть сам дух русской стойкости»³². События, происходившие на заводе, он назвал ужасной аллегорией, сочетанием результатов применения двух величайших талантов человечества: способности созидать и способности разрушать³³. Первое его впечатление при вхождении на территорию завода: вся земля

²⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1968: 205.

³⁰ Стейнбек 2017: 199-200.

³¹ Ершов 1966: 180-181.

³² Стейнбек 2017: 199-200.

³³ Там же: 193, 195.

искорежена и истерзана, половина цехов лежит в руинах, от других остались только стены без крыш. Но главное, что поразило Стейнбека: люди не ждали, когда завод будет заново отстроен, одновременно работали на восстановлении и давали продукцию.

Стейнбек верно оценил масштабы ущерба, причиненного крупнейшему тракторному заводу СССР. Документально подтверждено, что в ходе боев Сталинградский тракторный завод был разрушен практически полностью. В тексте Решения о первоочередных задачах восстановления города, принятого депутатами Сталинградского областного Совета в феврале 1943 г., констатировалось: «Немецко-фашистские мерзавцы уничтожили Сталинградский тракторный завод – первенец первой пятилетки...»³⁴. Постановлением ГКО СССР сроком пуска в эксплуатацию всех заводов Сталинграда была указана вторая половина 1943 г., но уже в апреле 1943 г. небольшой коллектив рабочих и инженеров СТЗ собрал первую партию отремонтированных дизелей. В июне 1943 г. на фронт был отправлен первый танк из серии «Ответ Сталинграда». 17 июня 1944 г., в день 14-й годовщины пуска завода, был выпущен первый после осады города гусеничный трактор. Во время пребывания Стейнбека на заводе силами работников восстанавливался ремонтно-строительный цех. В первые послевоенные годы производство строительных материалов значительно отставало от потребностей региона, поэтому использовались остатки разрушенных построек. В сталинградской печати публиковались призывы полностью выбирать из руин ценные стройматериалы, включая труднодоступные цоколи и подвалы, а не брать только то, «что можно взять без труда»³⁵. При строительстве здания цеха из развалин было извлечено и уложено в новые стены 110 тыс. кирпичей³⁶.

Стейнбеку не удалось выяснить, сколько тракторов завод производил в день, но ему сообщили, что объем производства уступает довоенному лишь на 2%³⁷. Насколько была точна эта цифра, перепроверять которую Стейнбек не пытался? Действительно, в первые послевоенные годы СТЗ не справлялся с производственной программой. В 1946 г. государственный план был выполнен на 82,7%, в 1947 – на 69,8%³⁸. Но потом, согласно официальным отчетам, ситуация улучшилась. В Итогах выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению сообщалось, что в 1949 г. довоенные показатели завода были уже превышены³⁹.

Стейнбека интересовали не столько производственные показатели, сколько социальные реалии жизни людей. Он сетовал, что фотографи-

³⁴ ГАВО.Ф.2125.Оп.1. Д.17. Л.42. Ущерб, причиненный СТЗ во время Сталинградской битвы, составил более 400 млн. руб. – ЦДНИВО. Ф.113.Оп.20. Д.73. Л.6.

³⁵ Притчин 1946: 2.

³⁶ Сталинградская правда 1947: 2.

³⁷ Стейнбек 2017: 194.

³⁸ ГАВО.Ф.6032.ОП.1. Д.1139. Л.54.

³⁹ Объем валовой продукции СТЗ составил 270,3 млн. руб. против 262,9 млн. руб., полученных в 1940 г. – ГАВО.Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39.

ровать на территории завода запрещено и запечатлеть лица его работников не удалось. Но собрал подробные сведения о жилищных проблемах, размере заработной платы рабочих разной квалификации, ее соотношении с квартплатой и ценами на продукты. Стейнбек оценил жилищную проблему как одну из наиболее острых, что подтверждается данными ряда источников. По воспоминаниям современников, после окончания битвы на территории Тракторозаводского района, где до войны в основном проживали работники СТЗ, практически не осталось целых домов. В возведении жилья, наряду с профессиональными строителями, участвовали сами работники завода⁴⁰. Строящиеся квартиры показались Стейнбеку маленькими (кухня, одна-две спальни и гостиная), но довольно удобными. Квартплата «неправдоподобно мала, правда, если вам повезет получить квартиру»⁴¹. Насколько справедливо это, не лишнее иронии, замечание? Обратимся к статистическим показателям ввода жилья в описываемый период. В 1947 г. план жилищного строительства в Сталинграде был выполнен всего на 38,7%⁴². Естественно, рассчитывать на новоселье могли далеко не все нуждавшиеся.⁴³

Интересны замечания Стейнбека о ценах на продукты, простую еду, которая входит в рацион обычного рабочего, т.е. на хлеб, капусту, мясо и рыбу, уходит совсем немного денег, но деликатесы, консервы и импортные продукты обходятся очень дорого, а такие изыски, как шоколад, недоступны практически никому. Эта проблема подтверждается документально: показатели предприятий пищевой промышленности намного отставали от довоенных. Так, в 1949 г. сталинградский мясокомбинат выпустил продукции на 8,6 млн. руб. против 15,4 млн. руб. в 1940 г. и т.д.⁴⁴ Стейнбек и Капа на себе ощутили скудость сталинградского рациона. На завтрак в гостинице «Интурист» им ежедневно приносили салат из помидоров, соленых огурцов, арбуз и крем-соду⁴⁵.

«Это были не пустые и аллегорические фигуры. Это были простые люди, на которых напали и которые смогли себя защитить», – таков общий вывод Стейнбека о жителях разоренного города. Важно отметить, что в центре его внимания были не руководители и ответственные работники, с которыми он общался на официальных встречах, а простые сталинградцы⁴⁶. По ощущениям Стейнбека, трагедия, которую они перенесли, была лишена пафоса, но постоянно присутствовала в самом ходе будничной жизни. Во время вечерней прогулки в парке возле большой братской могилы Стейнбек обратил внимание на женщину с мальчиком лет пяти-шести, который стоял у ограды обелиска. На вопрос о

⁴⁰ Первенец советского тракторостроения: 1980: 195.

⁴¹ Стейнбек 2017: 203.

⁴² ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 74. Л. 7 об.

⁴³ В 1951 г. в неблагоустроенных помещениях проживало 600 семей работников завода. – Первенец советского тракторостроения: 1980: 195.

⁴⁴ См.: ГАВО.Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39.

⁴⁵ Стейнбек 2017: 191.

⁴⁶ Там же: 202.

том, что он здесь делает, мальчик спокойно сказал: «Я к папке пришел. Я каждый вечер к нему прихожу»⁴⁷. Еще одна бытовая зарисовка – семья бухгалтера, который строит крохотный домик на окраине города. Он сам таскает доски, смешивает раствор, двое его детей играют рядом. Оторвавшись от работы, он приносит семейный альбом с фотографиями близких и открытками, который смог спасти и бережно хранит. В этом альбоме, – замечает Стейнбек, – то хорошее, что с ним было в жизни, все остальное отняла война⁴⁸.

Неуместность пафосности, которую порой стремились придать сталинградской эпопее, Стейнбек отметил во время осмотра коллекции подарков городу – копии средневекового меча, старинного щита, пергамента, исписанного высокопарными фразами. «Мир награждал Сталинград фальшивыми медальками, а ему было нужно несколько бульдозеров»⁴⁹. Стейнбек точен в этих описаниях. В 1944 г. в Сталинград был передан подарок английского короля Георга VI, украшенный торжественной надписью; щит поступил от императора Эфиопии. После окончания Сталинградской битвы лидеры многих государств обращались к героическому городу с речами благодарности и делали символические подарки. В 1944 г. «Сталинградская правда» цитировала слова де Голля, которые он произнес при вручении подарка (мемориальной доски): «Я передаю горячий привет от сражающегося французского народа героическому Сталинграду – символу наших общих побед над врагом»⁵⁰.

Умение выживать в немыслимых условиях и сохранять человеческое достоинство – черты социального портрета простых людей, которые Стейнбек увидел и описал. Он был удивлен тем, что люди жили в развалинах домов, но главное, что поразило, по его признанию, это картинка, наблюдаемая им ежедневно из окна гостиничного номера. Из груды обломков, служивших ей домом, появлялась чисто одетая девушка, на бегу проводившая по волосам расческой. Пробираясь через сорняки, она направлялась на работу. Женщины, «живя под землей, умудрялись опрятно выглядеть и сохранять гордость и женственность», – подчеркивал Стейнбек⁵¹.

Дж. Стейнбек не включил в свою книгу данные о количестве погибших мирных жителей Сталинграда, но сумел передать впечатление о невозполнимости потерь описанием потерявшей рассудок девочки-подростка, которая жила в развалинах в центре города: «В кошмаре сражений за город с ней что-то произошло, и она нашла покой в забвении». Фотокорреспондент Р. Капа сетовал, что при выезде из СССР часть его снимков, включая фото сталинградской девочки, были засвечены по цензурным соображениям. «Сколько же еще существует на свете по-

⁴⁷ Там же: 190-191.

⁴⁸ Там же: 208

⁴⁹ Там же: 203.

⁵⁰ Сталинградская правда 1944: 2.

⁵¹ Стейнбек 2017: 185.

добных созданий, жизнь которых в двадцатом веке стала невыносимой», – горько замечал Стейнбек⁵².

Комплексный анализ раздела «Русского дневника», посвященного Сталинграду, и ряда исторических источников, иллюстрирующих социально-экономическую ситуацию того периода, позволяет утверждать, что описание Стейнбеком жизни послевоенного Сталинграда не содержит сознательно искаженных фактов. Многие его суждения и выводы подтверждаются документальными сведениями. В их числе – масштабы разрушений и материального ущерба, причиненных городу; особенности восстановления крупнейшего промышленного предприятия, городской инфраструктуры; коллизии планирования будущего облика героического города. Избрав двумя основными сюжетами своего повествования о Сталинграде планы его дальнейшего развития и реалии повседневной жизни людей, Стейнбек не ставил задачу их противопоставления, не искал несоответствия социальной политики властей потребностям граждан. Общая концептуальная установка «Русского дневника» не предусматривала анализа взаимоотношений власти и общества в СССР, достоинств и недостатков патерналистской модели социальной политики. В то же время, очевидна специфика отражения Стейнбеком советских реалий послевоенного времени, что позволяет рассматривать его труд как ценный и оригинальный источник изучения повседневности, быта, а также черт социального портрета, духовного своеобразия, идентичности сталинградцев.

Взгляд Стейнбека чужд политической конъюнктуре и идеологическому заказу. Картина послевоенного Сталинграда была создана им исключительно на основе личных впечатлений и самостоятельно полученных сведений. Это сделало возможным описание таких сторон и нюансов социальной действительности, которые не нашли достаточного отражения в источниках того времени и поэтому представляют бесспорный интерес для современных исследователей социальной истории.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39; Ф.2125.Оп.1.Д.17.Л.42; Ф. 3423. Оп.7. Д.52. Л. 44-50; Ф.6032.Оп.1.Д.1139.Л.54.

Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.71.Оп.5.Д.18.Л.152; Оп.6.Д.74.Л.7 об.; Ф.113.Оп.14.Д.1. Л.341; Оп.18.Д.2.Лл.2-2об.; Оп.20. Д.73. Л.6.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Австрийсков Е.В. Снабжение рабочих сталинградских предприятий промышленными товарами в первые послевоенные годы (1945–1946 гг.) // Известия Волгоградск. гос. пед. ун-та. 2014. № 8 (93). С. 107-110. [Avstriyskov Ye. V. Snabzheniye rabochikh stalingradskikh predpriyatiy promyshlennymi tovarami v pervyye poslevoynnyye gody (1945–1946 gg.) // Izvestiya Volgogradsk. gos. ped. un-ta. 2014. № 8 (93). S. 107-110].
- Водолагин М. Волжская твердыня. М.: Изд-во «Советская Россия», 1962. 192 с. [Vodolagin M. Volzhskaya tverdnyua. M.: Izd-vo «Sovetskaya Rossiya», 1962. 192 s.].
- Волгоград: хроника истории. 1589–1989 гг. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. 416 с. [Volgograd: khronika istorii. 1589–1989 gg. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1988. 416 s.]

⁵² Там же: 186-187.

- Дорога к знаниям // Сталинградская правда. 1946. 6 февраля. [Doroga k znaniyam // Stalingradskaya pravda. 1946. 6 fevralya].
- Ершов В., Дроботов В., Ефимов В., Харин Ю. Город-герой Волгоград. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. 264 с. [Yershov V., Drobotov V., Yefimov V., Kharin YU. Gorod-geroy Volgograd. – Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966. 264 s.].
- Игрицкий Ю.И. Истоки и развитие зарубежных представлений о России/СССР/России // Россия и современный мир. 2007. 4/57. С. 60-89 [Igritskiy YU.I. Istoki i razvitiye zarubezhnykh predstavleniy o Rossii/SSSR/Rossii // Rossiya i sovremennyy mir. 2007. 4/57. S. 60-89]
- Из отчета о работе Сталинградского городского комитета ВКП(б) // Сталинградская правда. 1948. 24 января. С.2. [Iz otcheta o rabote Stalingradskogo gorodskogo komiteta VKP(b) // Stalingradskaya pravda. 1948. 24 yanvarya. S.2].
- Кривцов Н.В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347-365. [Krivtsov N.V. Trevel-zhurnalistika: spetsifika napravleniya i yego problemy // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. № 3. S. 347-365].
- Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда // Вестник Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международн. отношения. 2003. № 8. С. 12-19. [Kuznetsova N.V. Vosstanovlenie zhilogo fonda Stalingrada // Vestnik Volgogradsk. gos. un-ta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodn. otноsheniya. 2003. № 8. S. 12-19].
- Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950 / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002. 144 с. [Kuzmina E.V. Vosstanovlenie Stalingrada. 1943–1950 / Pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: GU «Izdatel'», 2002. 144 s.].
- Курилов Д.О. «Русский дневник» Дж. Стейнбека: особенности создания образа «русского» человека // Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI вв. / Отв. ред. А.Э. Воронникова. 2018. С. 406-415 [Kurilov D.O. «Russkiy dnevnik» Dzh. Steynbeka: osobennosti sozdaniya obraza «russkogo» cheloveka // Formirovaniye obrazov Rossii i russkikh v zapadnykh diskursivnykh praktikakh XX–XXI vekov // Otv. red. A.E. Vorotnikova. 2018. S. 406-415].
- Малахова А.М. Развитие жанра «история» в современной медиакulturе // Век информации. 2018. № 1. С. 223-234. [Malakhova A.M. Razvitiye zhanra «istoriya» v sovremennoy mediakulture // Vek informatsii. 2018. № 1. S. 223-234].
- Олейникова Е.Г. Приоритеты социально-экономической политики центральных и региональных органов власти в период послевоенного восстановления Сталинграда // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: политология, социология. 2017. № 3. С. 44-49. [Oleynikova Ye.G. Prioritety sotsial'no-ekonomicheskoy politiki tsestral'nykh i regional'nykh organov vlasti v period poslevoynnogo vosstanovleniya Stalingrada // Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Ser.: politologiya, sotsiologiya. 2017. № 3. S. 44-49].
- Орешкина Т.Н. Восстановление культурно-просветительских учреждений Сталинграда и области в 1943-м – начале 1950-х гг. // Известия Волгоградск. гос. пед. университета. 2008. № 3 (27). С. 115-119. [Oreshkina T.N. Vosstanovleniye kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdeniy Stalingrada i oblasti v 1943-m – nachale 1950-kh gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. № 3 (27). S. 115-119].
- Первенец советского тракторостроения: Производственное объединение «Волгоградский тракторный завод им. Ф.И. Держинского» / Трушин И.А., Першин Н.И. и др. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 386 с. [Pervenets sovetskogo traktorostroyeniya: Proizvodstvennoye ob'yedineniye «Volgogradskiy traktornyiy zavod im. F.I.Dzerzhinskogo» / Trushin I.A., Pershin N.I. i dr. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1980. 386 s.].
- Поднятый из руин: сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943–1960 гг.). Волгоград: Волгоградское кн. изд-во, 1962. 371 с. [Podnyatyy iz ruin: sbornik dokumentov i materialov o vosstanovlenii i razvitiі Volgograda (1943–1960 gg.). Volgograd: Volgogradskoye kn. izd-vo, 1962. 371 s.].
- Полякова О.А., Поляков О.Ю. Особенности рецeпции и репрезентации «другого» в «Русском дневнике Дж. Стейнбека» // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 184-189. [Polyakova O.A., Polyakov O.YU. Osobennosti retseptsii i reprezentatsii «drugogo» v «Russkom dnevnike Dzh. Steynbeka» // Filologiya i kultura. 2019. № 2 (56). S. 184-189].
- Притчин Г. Как гибнут миллионы кирпичей // Сталинградская правда. 1946. 12 марта. [Pritchinn G. Kak gibnut milliony kirpichey // Stalingradskaya pravda. 1946. 12 marta].

- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. Т.3. М.: Политиздат, 1968. 752 с. [Resheniya partii i pravitel'stva po khozaystvennyum voprosam: sbornik dokumentov za 50 let / sost.: K. U. Chernenko i M. S. Smiryukova. T.3. – М.: Politizdat, 1968. – 752 s.]
- Селитрина Т.Л., Дашков С.Ю. Москва 1947 года в «Русском дневнике» Джона Стейнбека // Образы Москвы и Петербурга в зарубежной и русской литературе. Материалы Международной научной конференции XXXI Пуришевские чтения. 2019. С. 109-111. [Selitrina T.L., Dashkov S.YU. Moskva 1947 goda v «Russkom dnevnike» Dzhona Steynbeka // Obrazy Moskvy i Peterburga v zarubezhnoy i russkoy literature. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii XXXI Purishevskiyе chteniya. 2019. S. 109-111].
- Сотников М.Г. Восстановление и развитие материально-технической базы системы физической культуры и спорта Сталинградской области в 1943-1953 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 196-205 [Sotnikov M.G. Vosstanovleniye i razvitiye material'no-tekhnicheskoy bazy sistemy fizicheskoy kul'tury i sporta Stalingradskoy oblasti v 1943-1953 gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4 (127). S. 196-205].
- Сталинградская правда. 1944. С.1 декабря. [Stalingradskaya pravda 1944. S.1 dekabrya].
- Сталинградская правда. 1947. 26 августа. [Stalingradskaya pravda. 1947. 26 avgusta].
- Стейнбек Дж. Русский дневник / пер. с англ. Е. Кручины. М.: Изд-во «Э», 2018. 320 с. [Steynbek Dzh. Russkiy dnevnik / per. s angl. Ye. Kruchiny. М.: Izd-vo «E», 2018. 320 s.]
- Трегьяченко Е.А. Эволюция образа Советской России в произведениях американских журналистов и писателей 1945–1991 гг. // Вестник Нижегородского ун-та. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 128-133. [Tret'yachenko Ye.A. Evolyutsiya obraza Sovetskoy Rossii v proizvedeniyakh amerikanskikh zhurnalistov i pisateley 1945–1991 gg. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Ser.: Sotsial'nyye nauki. 2010. № 2 (18). S. 128-133].
- Шиллинглю С. Предисловие // Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Изд-во «Э», 2018. 320 с. [Shillinglou S. Predisloviye // Steynbek Dzh. Russkiy dnevnik. М.: Izd-vo «E», 2018. 320 s.]
- Andrew A. A personal note: Contemporary American power dynamics and John Steinbeck's nonfiction // Steinbeck Review. 2018. 15(1). P. 56-61.
- Jain P. Leadership and Steinbeck's «non-teleological thinking»: A framework for embodying emergence in visioning // Emergence: Complexity and Organization. 2017. 19(3-4).
- Pugh S. Greatness at a distance: A commemorative survey of the work of John Steinbeck // Steinbeck Review. 2018. 15(2), P.122-135.
- Ray W. Steinbeck today // Steinbeck Review. 2018.15(2). P. 191-195.
- Zirakzadeh C.E. Steinbeck and America's liberal political tradition // Steinbeck Review. 2019. 16 (1). P. 1-23.

Елена Геннадьевна Олейникова, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ; gattogatto@mail.ru

Stalingrad after the Second World War in the opinion of John Steinbeck: social reality and plans of development

The article is the first attempt at a comprehensive analysis of J. Steinbeck's ideas about the post-war reality of Stalingrad, set out in the book “Russian Diary”, and documentary data on the socio-economic development of the city in the second half of the 1940s. On the basis of content analysis, the author substantiates the conclusions about the specifics of Steinbeck's perception of Soviet everyday life and the prospects for using his book as a source for studying social history.

Keywords: J. Steinbeck, “Russian Diary”, Stalingrad, the economic and social development, social policy, social history, daily history

Elena G. Oleynikova, Dr. Sc., Professor. Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, gattogatto@mail.ru